
Август 1969 года

Михаил Губанов

Не все мечты имеют обыкновение сбываться, к сожалению. Но вместо несбывшихся мечтаний и неоправдавшихся надежд могут возникнуть неожиданные новые перспективы и возможности. Пусть не сразу, но, если набраться терпения, можно дождаться. Главное — вовремя их заметить и не упустить.

С «мировой славой» в связи с ярким и быстрым выявлением преступника, убившего знаменитого певца Владилена Астахова, у Михаила не срослось. Громкой огласки дело не получило, в кулуарах полушепотом похвалили следователей Полынцева и Садкова, записали им в личные дела по поощрению, а о Михаиле Губанове никто и не вспомнил. Правда, сам Михаил делал все возможное, чтобы все его коллеги оказались в курсе. Нет, до открытого хвастовства он не опускался, но при малейшей возможности упоминал о своей роли в раскрытии преступления, о том, каким наблюдательным и внимательным он оказался

и как попал «в цвет» со своими предположениями и выводами, и что без его помощи следователи так и топтались бы на месте, не продвинувшись ни на миллиметр. Сначала купался в восхищенных и одобрительных взглядах, но очень скоро все сошло на нет: система сверху донизу бурлила от реальных перемен и от слухов о переменах мнимых, всем было не до личного успеха какого-то рядового следователя Губанова из обычного районного управления.

Дома, в кругу семьи, насладиться успехом в полной мере тоже не получалось, ведь он дал слово брату Николаю, что никто не узнает об участии Михаила в этом деле. Ни Юра, ни его друг Славик ни в коем случае не должны догадываться, что именно дядя Миша, брат Юркиного отца, посадил отца Славки. И мать, Татьяну Степановну, тоже хорошо бы держать неосведомленной, ведь ей каждое лето жить в Успенском, где наверняка найдется немало людей, которым она с гордостью расскажет про сына Мишу и которые начнут тыкать в нее пальцем и кричать на весь поселок: «Это твой сын нашего Витю посадил ни за что!» С Ниной и Ларисой можно было бы поделиться, они на даче бывают только наездами, проводят там мало времени и ни с кем особо не общаются, но... Бабы ведь! Языки без костей. Будут давать самые страшные клятвы, что никому не скажут, а уже через день, если не через час, и мать узнает, и Юрка. Тем более Татьяна Степановна Славика

любит, а о его отце Викторе Лаврушенкове всегда отзывалась очень по-доброму. Нет, не разделит мама радость сыночка Мишеньки. А уж Юрка тем более не поймет. Все три года, что прошли после ареста Виктора, от племянника только и слышно: «Я не верю! Дядя Витя не мог такого сделать!» Дети... Что они понимают-то?

Оставаться на прежней должности и продолжать заниматься унылыми бытовыми преступлениями, кражами и уличными грабежами было скучно. Михаил злился, считая себя способным на большее, мысленно негодовал на тех, кто не ценит его, не видит огромный потенциал, не предлагает повышения. Николай мог бы помочь младшему брату, это само собой, но отчего-то не предлагал и даже не заговаривал о такой возможности, а просить Миша не хотел. Ни за что! Просить — это унижить себя. Сами должны оценить и сделать хорошее предложение.

И вдруг неожиданная удача свалилась прямо на голову: в начале февраля 1969 года издали приказ об образовании подразделений политико-воспитательной работы. А кого туда назначать? Да кто под руку попадется! Желательно, конечно, чтобы человек был уважаемый, да с опытом, да с правильной биографией, но где ж их в таком количестве набрать, чтобы хватило на каждый горрайотдел, областное или краевое управление, да еще и на все линейные отделения и отделы в транспортной милиции?

Михаил быстро сориентировался, где надо — намекнул, где надо — высказался прямым текстом. И оказался на должности заместителя начальника райотдела по политико-воспитательной работе. Это был резкий скачок по карьерной лестнице: мнуня должности старшего следователя, начальника следственного отдела — сразу в замначальники райотдела, на полковничью должность. Сперва на Губанова смотрели косо, завидовали мгновенному продвижению, за спиной перешептывались — мол, наверняка брат помог. Но разговоры быстро поутихли, как только Михаил показал, что он — свой парень, никому палки в колеса вставлять не собирается и будет помогать всем, кому сможет. Ведь что такое зам по ПВР? Это человек, без визы которого не состоится ни одно назначение, не уйдет ни одна характеристика. Постановка в очередь на жилье? Путевки на санаторно-курортное лечение? Присвоение очередного звания? Все через Михаила Андреевича. А уж если звание внеочередное, досрочное — то тем более! Поощрения и взыскания по комсомольской и партийной линиям — только с согласия капитана Губанова. От нового заместителя отныне зависела вся жизнь и карьера сотрудника милиции.

Через полгода на Михаила стали смотреть совсем иначе. Теперь его замечали. С ним считались. Его благосклонности добивались всеми правдами и неправдами, старались услужить и угодить, заглядывали в глаза, пытаясь уловить

настроение и подгадать правильный момент для обращения с просьбой. «Хорошо, что его назначили, — говорили коллеги. — А то ведь как могло выйти? Поставили бы кого-то из своих «стариков», опытных профессионалов, — оголили бы участок оперработы. Привели бы кого-то со стороны — с ним не договоришься, он никого из нас не знает. А Миша — свой, разбирается, кто из нас что из себя представляет, в курсе всех наших проблем». Это было правдой, Михаил и в самом деле все про всех знал, поддерживал приятельские отношения со всеми на протяжении семи лет работы в этом райотделе.

Он начал чувствовать вкус власти и упивался этим.

Ни в одном коллективе не бывает монолитности, это всем известно. Всегда существуют как минимум две группировки, но, как правило, их больше.

Пару месяцев назад, в самом начале лета, назначили партсобрание, на повестку вынесли персональное дело старшины Дубового из дежурной части. Будучи помощником дежурного, Дубовой заступил на службу «с запахом» и позволил себе не вполне вежливое обращение с гражданином, который пришел заявить о том, что у него украли кошелек. Невежливость заключалась в том, что старшина Дубовой посоветовал этому гражданину обратиться не в райотдел, а в отделение милиции, находящееся ближе всего к месту кражи. Гражда-

нин возмутился, ибо пропажу кошелька обнаружил буквально полчаса назад, когда находился именно здесь, рядом с райотделом, и не может знать, в какой момент и где именно его карманы незаметно облегчили. Может, в трамвае, а может, в магазине или вообще в толпе на улице. Тон разговора мало-помалу повышался, и заявитель вдруг почувствовал запах перегара, исходящий от старшины. Был вызван начальник дежурной части, составлена в письменном виде возмущенная жалоба на имя начальника райотдела...

И вот теперь предстояло разобрать на партсобрании недостойное поведение старшины, немолодого человека, опытного сотрудника, проработавшего в этом отделе два десятка лет и пережившего нескольких начальников.

Парторг райотдела пришел к Михаилу «готовить решение». Ну а как иначе-то? Не полагаться же на участников собрания. Кто его знает, чего они выкинут, как выступят и как проголосуют. Решение должно быть предсказуемым, следует обеспечить подготовленные выступления, чтобы голосование прошло как надо, а не как получится.

Парторг, сорокалетний старший опер, занимал жесткую позицию и считал, что Дубового нужно строго наказать. Лучше всего — исключить из партии, что автоматически повлечет за собой увольнение из органов.

— Министр очень строго относится к таким вещам, — убежденно говорил он Михаилу. — Мили-

ция — лицо власти в глазах граждан, а дежурная часть — лицо всей милиции, он это неоднократно повторял. К дежурке предъявляются самые строгие требования. Как работаем мы, оперсостав, мало кто видит и знает, а дежурка у всех на виду, она — первое, с чем сталкивается население, когда у людей что-то случается. Такое нельзя спускать с рук, Дубового следует наказать примерно, чтобы другим неповадно было. Пусть положит партбилет на стол, всем будет наука.

— Согласен, — кивнул Михаил. — Но ты подумай вот о чем: Дубовой — старожил у нас, он дольше всех здесь работает. Ты помнишь, при ком он начинал?

— Да я и не знаю, — пожал плечами парторг. — Какая мне разница? Это сто лет назад было, при царе Горохе.

— А ты в курсе, где теперь этот царь Горох, который принимал Дубового на службу?

Парторг, как выяснилось, не знал. Ни имени того Гороха, ни его нынешней должности. Михаил вздохнул, укоризненно покачал головой и провел краткий курс просветительской работы. Тот начальник, который привел в дежурную часть малограмотного, но старательного старшину-фронтовика, теперь работал в отделе административных органов Мосгорисполкома. И отношения с нынешним начальником райотдела у этого человека были весьма и весьма напряженными, чтобы не сказать больше.

— Ах вот ты кого имеешь в виду, — протянул парторг. — Ну да, наш полковник с ним на ножах, это точно. Мне говорили, что он когда-то был здесь начальником, но я его с Дубовым как-то не связал... А они что, родственники?

— Однополчане. Фронтвая дружба, сам понимаешь. Если обидеть Дубового, то нашему полковнику лучше не станет, сечешь?

— А по-моему, он только рад будет насолить отделу адморганов.

— Уверен? — прищурился Михаил.

— Ну да. А почему нет-то?

— Балда ты. Ну, насолит он, и что? Его и так в исполкоме не любят, а станут еще больше не любить. Кому от этого лучше? В исполкоме пойдут разговоры, что наш начальник решает кадровые вопросы исходя из личных симпатий и антипатий, а не из интересов службы. Для чего лить масло в огонь, когда можно, наоборот, песочком присыпать? Поддержим сейчас Дубового — нам в плюс пойдет.

— А министр?

— Да что тебе министр! — сердито прошипел Губанов. — Где он, этот министр? Он так высоко наверху, что ему Дубового и не видно, как и всю нашу контору районную. Министр вообще не москвич, в столице без году неделя, никого здесь не знает, и ему на нас плевать с высокой колокольни. А фронтвой друг из Мосгорисполкома нас всех очень даже видит, особенно тех, с кем

когда-то служил и кого знает лично. Ты маленький, что ли? Ты не понимаешь, что нельзя всегда подыгрывать нашему полковнику? Отношения в нашем коллективе сложные, есть преданные руководству люди, а есть те, кто его терпеть не может. Друзья и враги, одним словом. И если все время играть в одни ворота, то другая команда может взбелениться. Тебе оно надо? Мы с тобой здесь для того поставлены, чтобы поддерживать баланс и не давать пожару вспыхнуть. Что тлеет — то пусть тлеет, но искры лететь не должны. Сегодня мы поддержим Дубового, а в следующий раз дадим поблажку человеку полковника. Покажем свою беспристрастность.

— Ну..

Парторг пожевал губами и, в конце концов, признал, что резоны замначальника по политико-воспитательной работе не лишены оснований.

— А начальник что на это скажет? — спросил он неуверенно. — Ты ему тоже будешь про баланс петь?

— Ну зачем же, — улыбнулся Михаил. — Я ему расскажу про тяжелую ситуацию Дубового. Он ведь почему выпил накануне? Знаешь?

— Нет.

— Именно что. Ничего ты о людях не знаешь. У него сестра померла. Девять дней поминали. Ну как без рюмки-то? А на следующий день заступил на смену. Понятно, что запах был. И понятно, что не сдержался, голос повысил, вежливость забыл.

Наш старшина очень сестру любил, они в войну всю родню потеряли: кто на фронте погиб, кто от голода и болезней умер. Вдвоем остались, были друг к другу привязаны сильно. Помянул человек единственную оставшуюся родственницу, помянул по-русски, как положено, и его теперь за это из партии и со службы гнать? Не по-человечески это.

Парторг в изумлении уставился на Губанова:

— А ты откуда все это знаешь? Дубовой рассказал? Так он тебя разжалобить хотел, а ты и повелся. Не ожидал от тебя, Миша, вот честно. Сразу видно, что ты не опер.

Михаил расхохотался:

— Точно, я не опер. Это ты в самый корень зришь. Я политик и воспитатель. Это означает, что я должен знать о сотрудниках все, что можно. Чем они живут, чем дышат, какие у них трудности в личной и семейной жизни. Политику, друг мой, только так и делают: личными связями и личной информацией. Без этого с людьми не управишься. Мотай на ус. Так что про Дубового я давным-давно все знаю, я ему и матпомощь на похороны сестры помогал выбивать в нашей бухгалтерии.

— Ну ты даешь, — протянул парторг и посмотрел на Губанова с нескрываемым уважением. — Столько лет тебя знаю, но даже не подозревал, что ты такой.

— Какой — такой? Я дружелюбный и понимающий. А какой еще?

Парторг не ответил, но взгляд его Михаилу не понравился. Нехороший был взгляд.

— Наверное, хочешь спросить, что такого интересного я про тебя знаю? Не волнуйся, ничего. Мне ведь не нужно тебя воспитывать, ты — парторг, сам кого хочешь воспитать можешь. И любую проблему решишь без моей помощи. Так что знать про твою жизнь мне без надобности.

Глядя на дверь, закрывшуюся за парторгом, Михаил скривился в усмешке. Уж кто-кто, а этот человек — плохой опер, это точно. Поверил Губанову. Поверил, что зам по ПВР не собирает о нем информацию. Как же, жди!

Он всё про всех знает. И только благодаря этим знаниям умело поддерживает тот самый баланс, о котором толковал. До тех пор, пока противоборствующие силы находятся в равновесии, капитан Губанов будет находиться у власти. Пусть у маленькой, смешной, на уровне всего лишь одного района столицы, но все равно у власти.

Сладкой. Придающей его жизни смысл и вкус.

Только вот не напрасно ли он разговорился с парторгом насчет поддержания баланса и сбора информации? Конечно, глупо было так откровенничать, ужасно глупо. Теперь Михаил корил себя за несдержанность, за неуместное хвастовство. Не надо было ничего этого говорить, ох, не надо было! Но очень уж хотелось выглядеть умным, дальновидным, оправдать свое назначение, которое многим казалось просто вызывающим:

в двадцать девять лет стать заместителем начальника райотдела! Это же уму непостижимо! Хотя предыдущий министр, Тикунов, занял должность в сорок лет — и ничего, отлично справлялся, руководил огромным и важным министерством, а тут всего лишь районный отдел, и этот аргумент тоже звучал, когда обсуждали кандидатуру капитана Губанова. Представитель династии, милицейская семья, отец служил в органах, брат и сестра служат, высшее образование, что немаловажно в свете новых веяний..

«Зачем я разоткровенничался? — с досадой думал Михаил. — Идиот! Кто меня за язык тянул?» Но в глубине души он прекрасно знал ответы: его распирало от осознания собственной гениальности, когда в голове сложилась формулировка о поддержании баланса и об использовании личной информации. Хотелось непременно с кем-нибудь поделиться, чтобы оценили остроту ума, прозорливость, широту мышления. Хотелось хоть кому-нибудь доказать, что он, капитан Губанов, по праву занимает свою новую должность, потому что действительно достоин, а не потому, что «династия и высшее образование».

С того дня прошло два месяца, и беспокойство, которое испытывал Михаил, понемногу улеглось. То ли парторг оказался не болтливым и никому ничего не рассказал, то ли не понял всю глубину губановской мысли, то ли не смог донести ее до других собеседников. Одним словом, обошлось. Ни

одного косого взгляда, ни одной ухмылки в свой адрес Губанов не заметил.

Сегодня ему предстоял приятный вечер: поездка в аэропорт, чтобы встретить с рейса человека, который привезет ему маленькие, но полезные подарочки. Нет, это не Разумовский, ни боже мой. Лев Ильич — отработанный материал, он больше не нужен. Во-первых, ученые его специальности выезжают за рубеж довольно редко, хорошо если раз в два-три года на какой-нибудь высокоумный симпозиум. Во-вторых, он расстался с Ларисой. Ну, или она с ним, не суть важно. Главное, что роман завершился. Так что услугами Разумовского Миша успел воспользоваться только пару раз, но зато как эффективно! Помимо заграничных «сувениров» завел определенные знакомства. Всего-то и нужно было, встречая в аэропорту самолет, которым прилетал Лев Ильич, высмотреть среди пассажиров того же рейса кого-нибудь с большим багажом, вежливо и заботливо предложить помощь, поднести тяжелый чемодан до машины и попутно разговориться и произвести хорошее впечатление мягкими манерами, негромким голосом и обаятельной улыбкой. Это ведь не трудно, а результат может получиться очень хорошим. Да, не каждый раз, но через раз — точно. Паспортный контроль — дело долгое, ожидание багажа тоже, пассажиры одного рейса выходят не толпой, и от первого до последнего проходит достаточно времени, чтобы успеть «очемоданить» трех-четырёх

человек, из которых двое наверняка оставят свой номер телефона и с благодарностью предложат поддерживать знакомство. Какой бы ты ни был важной персоной, выезжающей в командировки за рубеж, а приятельствовать со следователем никогда не помешает, это все понимают.

Кроме того, существует такая полезная штука, как адресный учет. Не представляло ни малейшей проблемы выяснить, прописаны ли на территории района сотрудники МИДа, работающие за границей в составе дипкорпуса. И если прописаны, то есть ли в семьях дети. Взрослые молодые люди. Типа золотой молодежи. Уж этих-то всегда можно на чем-нибудь прихватить если и не по линии уголовного розыска или ОБХСС, то по линии комсомольской организации. А там и родители объявятся. Если в данный момент находятся за рубежом, то организуют телефонный звонок «сверху», а если приехали в столицу в отпуск или по делам, то и лично придут. Дальнейшее — дело техники, которой капитан Губанов овладел почти в совершенстве.

Что там замшелый ученый Лев Ильич Разумовский! Теперь в обойме у Губанова столько «выезжантов», что встречать рейсы приходилось каждый месяц. Сегодня, например, прилетает из Штатов доктор исторических наук, один из главных в стране специалистов по истории КПСС, автор учебников и монографий, лауреат Ленинской премии, участник подготовки материалов к трем съездам

партии. Вот уж кто без конца катается по всему миру! Его посылают на все конгрессы коммунистических сил, на съезды всех компартий, в том числе и капиталистических стран. И в Англию, и во Францию, и в США, и в Латинскую Америку.

Встречающих рейсы из-за рубежа всегда очень много. Во-первых, не на автобусе же переться человеку, побывавшему за границей! Значит, нужны машина и водитель. Во-вторых, встретить того, кто прилетел «оттуда», это целое событие для семьи и друзей. Обнять человека, который еще несколько часов назад дышал «тем» воздухом, первыми выслушать его рассказы о впечатлениях, первыми увидеть привезенные сувениры и всякие красивые мелочи, а порой и не мелочи вовсе. Одним словом, праздник!

Михаил приехал вовремя, минут за десять до указанного в расписании времени прибытия рейса, но, к своему огорчению, услышал объявление, что рейс запаздывает на полчаса. Деваться было некуда. Он вышел наружу, выкурил две сигареты, вернулся и занял место, откуда хорошо были видны ворота, через которые выходили пассажиры. Тех, кто встречал ученого-историка, Губанов заметил давно, он их уже неоднократно видел и был знаком: немолодая надменная жена и симпатичная, модно одетая дочка лет тридцати пяти, которую папаша пристроил на непьющую, но хорошо оплачиваемую должность в Госплане. Поймав рассеянный взгляд супруги, улыбнулся и помахал

рукой, спустя пару минут подошел поздороваться, справиться о самочувствии. Дама цедила слова сквозь зубы, а дочка, напротив, поддерживала разговор вполне благожелательно и завела ни к чему не обязывающую беседу об автомобильных проблемах. Права у нее были, но своей машиной она пока не обзавелась, зато отцовскую «Волгу» водила лихо и при каждом удобном случае. Вообще-то она нравилась Михаилу, тем более была свободна после недавнего развода, но ухаживать и даже просто проявлять знаки повышенного внимания он не собирался. Зачем ему эта девица, упакованная с ног до головы, да еще и старше на несколько лет? Даже если удалось бы ее захомутать, Миша превратится в примака в обеспеченной высокопоставленной семье и на него станут смотреть как на вошь, случайно попавшую в дорогой импортный сапог. Нет, такое положение ему совсем не улыбается. Жену он себе подберет такую, чтобы в рот смотрела и считала за великое счастье выйти за него замуж и верно ему служить. Молодую, глуповатую и непритязательную, но при этом красивую. Да и не к спеху ему, успеет еще. Чем крепче будет его профессиональная позиция, чем выше должность и звание, тем шире окажется круг молодых заинтересованных девчонок, из которых можно будет выбирать. А уж он выберет такую — все передохнут от зависти.

В зоне прилета душно, на улице стоит жара, не ослабевшая даже к вечеру, Михаил потел в формен-

ном кителе, и, когда появился элегантный улыбающийся специалист по истории партии с большим чемоданом и сумкой, Губанов был уже весь мокрый. Ему хотелось как можно скорее выйти из здания аэропорта, но пришлось терпеливо ждать еще несколько минут, пока прилетевший и встречающие закончат обниматься и целоваться. Наконец историк обратил на Мишу благосклонный взор.

— Михаил Андреевич, — он торжественно раскрыл большую дорожную сумку и вытащил яркий пластиковый пакет, — ваша скромная просьба выполнена.

Михаил торопливо сунул пакет в портфель, который взял с собой именно на такой случай. Когда ты в форме, в руках не должно быть ничего, кроме портфеля, папки или планшета. А уж яркий пакет — грубейшее нарушение.

Супруга недовольно скривилась и сварливо заметила:

— Скромная просьба оказалась довольно крупной.

Ну, это как всегда. Женщине ужасно не нравилось, что ее муж тратит валютные командировочные на какого-то безродного знакомого. Лучше бы лишний флакон духов привез или пару туфель.

— Я просил только модную оправу для очков, — поспешно произнес Михаил. — Для жены моего брата. Она плохо видит, а наши оправы такие некрасивые. Хочу сделать ей подарок ко дню рождения.

— Там и оправа, и кое-что еще от меня лично, — довольным голосом прогудел историк. — Не думайте, что я не умею быть благодарным.

При этих словах он бросил очень выразительный взгляд на супругу. Ее племянник не так давно попал в неприятную историю, и Губанов сделал все от него зависящее, чтобы помочь. Видимо, надменная и известная своей жадностью дама быстро забыла, кому обязана спасением родственника от уголовной статьи. А муж нашел возможность напомнить ей.

Дочка молчала с безразличной улыбкой, но по ее лицу было видно, что она все понимает и ей неловко за мать. «Хорошая она баба, — уже в который раз подумал Михаил. — Жалко, что не такая, как мне надо».

— Ну что, на выход? — радостно скомандовал историк. — Миша, пойдете, мы вас подвезем до дома.

Еще чего доставало! Разумеется, Михаил с удовольствием прокатился бы на автомобиле вместо того, чтобы трястись в автобусе, потом на метро, но для отказа у него имелись как минимум две причины. Первая: ему совсем не улыбалось находиться в тесном пространстве вместе со скупой дамой, которая его откровенно недолюбливает. И вторая: в данный момент он собирался ехать вовсе не домой. Разве можно держать свои импортные сокровища в квартире, где кроме него живут еще мать и сестра? Да, у него отдельная комната,

но мать же делает уборку каждый день, да и Нинка не страдает излишней деликатностью, запросто заходит к нему, роется в шкафу или в письменном столе, если ей вдруг что-то понадобилось. Иногда он сам делает подарки, например, красивый платок или шарфик маме, губную помаду или тушь для ресниц сестре. Слово «достал» подозрений не вызывает, если употреблять его не слишком часто. Но держать дома блоки американских сигарет, бутылки заморского спиртного, пластинки с записями самых модных западных певцов и групп и прочие «сувениры» совершенно неправильно. Для этого у Миши есть «гнездо». Друг из директорской «сталинки» уже вернулся из армии, так что не было больше регулярных обедов со старушками Вениаминовнами, хотя Губанов и продолжал то и дело захаживать к своему товарищу. Если везло и совпадало по времени, то оба получали приглашение к столу. Однако ж место для расслабления пришлось менять. Подвернулось удачное знакомство с семьей сотрудника дипмиссии, и Михаил получил ключи от квартиры, которой можно было аккуратно пользоваться, пока хозяева вместе с малолетними детьми несли службу Родине на жаркой далекой дружественной Кубе.

Конечно, не случилось бы ничего из ряда вон выходящего, если бы Губанов сказал, что ему нужно не домой, а в другое место. Он взрослый человек, при хорошей должности, офицер милиции, мало ли какие дела у него могут быть. Но Миша страшно

не любил давать кому бы то ни было информацию о себе сверх строго необходимого. При одной только мысли, что кто-то знает о его частной жизни что-то лишнее, он начинал чувствовать себя голым посреди площади. Однажды он все-таки дал слабину и поехал вместе с семейством историка, который любезно предлагал подвезти Мишу каждый раз, но тот обычно отказывался. Очень уж он был усталым в тот день, да и подарки получил не такие, чтобы их прятать вне дома, они предназначались маме, Нине и Ларисе к Восьмому марта. Того единственного раза было достаточно, чтобы историк узнал, где живет Михаил Губанов. Так что выдать адрес «гнезда» за свой домашний никак не выйдет.

Он вежливо поблагодарил за приглашение, подхватил тяжеленный чемодан и проводил семью историка до машины, удачно припаркованной совсем рядом с выходом из здания. Помогая загрузить вещи в багажник, бросил ненароком взгляд на мужчину, который показался смутно знакомым. Мужчина стоял у выхода и лениво, как-то незаинтересованно смотрел на рассаживающихся по машинам и автобусам пассажиров. Стройный, среднего роста, в сером костюме. Обыкновенный, ничем не примечательный. Кроме одного: костюм сидел на нем как влитой. «Рожа наша, точно не иностранец. А вот костюмчик определенно не фабрики «Большевичка». Или заграничный, или сшит у нас в закрытом ателье. В обычном ателье

так не сошьют. Хотя про костюмы, кажется, говорят «строят», а не «шьют»... И почему на мне костюмы так стильно не сидят? Вроде не кривой, не хромой, не горбатый, а в костюмах, купленных в наших магазинах, выгляжу, как чучело, — с завистью подумал Михаил. — Хорошо, что форменный китель с погонами спасает».

И все-таки: где же он видел этого мужчину? Почему его лицо кажется знакомым?

Он простоял на остановке автобуса не меньше десяти минут, когда рядом, из-за спины, раздался негромкий голос:

— Товарищ капитан?

Михаил вздрогнул и резко обернулся. Перед ним стоял тот самый тип в хорошем сером костюме и сдержанно улыбался. И в эту самую секунду Губанов вспомнил, где видел его. В аэропорту. В толпе встречающих. Но не сегодня. И не один раз, а как минимум два или три, но два — точно.

Внутри похолодело. «Комитетчик, — понял он. — Из наружников, наверное. Отсматривает, кто кого встречает, кто с кем общается, особенно если встречающий такой, как я: не член семьи, не близкий друг, не едет вместе со всеми, а что-то забирает и уходит. Черт...»

— Слушаю вас.

Михаил старался говорить спокойно и невозмутимо, но голос предательски дрогнул.

— Уделите мне несколько минут, — вежливо попросил незнакомец.

— Но я на автобус...

— Ничего, я на машине, отвезу вас, куда скажете.

Тон у него был настолько уверенным и убедительным, что Губанов ни на мгновение не усомнился в наличии соответствующего служебного удостоверения во внутреннем кармане отлично сшитого серого пиджака. Поэтому, когда спустя несколько секунд это удостоверение было предъявлено, Миша даже не удивился.

Разговор, состоявшийся в машине по пути к центру Москвы, был негромким, вполне дружелюбным и носил характер скорее отеческого увещевания, нежели запугивания. Дескать, все мы — живые люди, у нас самые разнообразные потребности, и нет ничего зазорного в том, чтобы стремиться чем-то порадовать близких и друзей, да и самого себя побаловать, но офицеру милиции следует блюсти свое реноме, проявлять предусмотрительность и уж в любом случае не рассекать по зоне прилета в форменной одежде, сверкая погонами, когда прибывают международные рейсы. Что подумают иностранные гости? Что советская власть чувствует себя неуверенно, в каждом гражданине зарубежной страны видит потенциального противника и расставляет через каждые пять метров по милиционеру, чтобы не допустить вражеских инсинуаций. А это ведь в корне неверно. СССР твердо стоит на пути к коммунизму, никакие происки капитализма ему не страшны, наша страна всегда рада любым

зарубежным гостям и готова принять их с открытой душой. Ведь правильно?

Однако все-таки не очень хорошо, когда замначальника столичного райотдела внутренних дел проявляет такой повышенный интерес к предметам, произведенным на загнивающем Западе. Наши товары, сделанные на советских заводах и фабриках, ничуть не хуже, а зачастую даже и лучше. Низкопоклонство перед буржуазными странами не к лицу офицеру советской милиции. Если предать это огласке, то выйдет некрасиво. И для карьеры не полезно. Но ведь никто не узнает, правда? Моральный облик заместителя начальника по политико-воспитательной работе не может и не должен подвергаться сомнению. А вот моральная устойчивость других сотрудников райотдела нуждается в оценке.

— Вы согласны, Михаил Андреевич?

Попробовал бы он оказаться не согласным...

— Я видел вас в аэропорту три раза, — сказал Губанов. — А вы меня только сегодня заметили?

— Ну почему же только сегодня? — Краешки губ сидящего за рулем человека в сером костюме дрогнули в полуулыбке. — Если вам нужна точность, то я видел вас в середине февраля, число не припомню, затем в канун Восьмого марта, потом дважды в апреле, по одному разу в мае и июле. Вас трудно не заметить, вы всегда в форме. Почему вы не ходите в штатском, когда не на службе?

— Я прямо со службы приезжаю, — буркнул Михаил. — У меня нет времени съездить домой переодеться, работы очень много, не успеваю.

— Конечно. Я понял. Так куда вас отвезти? Домой или на квартиру Кульмиса?

Губанов оторопел. Кульмис был тем самым сотрудником советского посольства на Кубе. Выходит, комитет не только зафиксировал постоянные появления Михаила в аэропорту, но и отследил его передвижения. Круто работают! Мышь не проскочит.

Ему стало неудобно и очень страшно. Намек про оценку моральной устойчивости сотрудников милиции был настолько прозрачен, что не понять его мог только полный придурок. А Миша Губанов очень, ну просто очень не любил выглядеть недостаточно умным.

— К Кульмису, — ответил он. — Если вы зайдете вместе со мной, мы сможем выпить по чашке кофе или чего-нибудь покрепче и продолжить разговор. Не возражаете?

— Принято, — широко улыбнулся «серый костюм».

Январь 1970 года

Николай Губанов

Славик лихо съехал с горки, хотя и заметно зашатался на самом крутом участке спуска. А вот Юрка все-таки завалился в сугроб и неловко пытал-

ся снова встать на лыжи. Когда мальчишки, хохоча, подъехали к Николаю, их лица были мокрыми от пота и снега, щеки пылали здоровым румянцем, глаза сверкали от удовольствия.

— Теперь ты, — сказал Юрка отцу, с трудом переводя дыхание.

— Смотри внимательнее, — строго наказал Николай. — Славик уже все понял и едет правильно, а ты не работаешь корпусом.

Он «елочкой» взобрался на довольно высокую горку, убедился, что сын смотрит в его сторону, и начал спуск. Морозный воздух щипал лицо, снежинки попадали в рот, и Губанов вдруг подумал, что никогда в жизни не был так счастлив, как в последние два года. И сегодняшний день — как апофеоз восторга, радости и надежд.

— Здоровски вы катаетесь, дядя Коля, — с завистью проговорил Славик Лаврушенков. — Мы с Юркой тоже так научимся. Скажи, Юрок?

— Само собой, — деловито подтвердил Юра.

У него уже ломался голос, поэтому парень иногда говорил басовито, по-взрослому, а иногда пускал петуха или смешно скрипел. У Славика голос был еще детским, чистым и звонким, ведь он на целый год младше Юры, зато ростом вымахал не по возрасту, почти на пять сантиметров обогнав своего друга, да и в плечах стал пошире.

— Так, пацаны, давайте еще по три спуска — и на платформу, а то электричку пропустим, — скомандовал Губанов.

Зимние каникулы мальчики проводили вместе, встречались каждый день. То Юра ездил в Успенское, то Славик приезжал в Москву и оставался ночевать у Губановых. Каникулы длинные, почти две недели, выходные выпадали целых два раза, и Николай Губанов с удовольствием проводил эти свободные от работы дни с сыном и его другом. Ходили в парк Горького на аттракционы, в кафе-мороженое, в кино, на каток, ездили, как сегодня, за город кататься на лыжах.

В январе темнеет рано, в четыре уже смеркается, а в пять совсем темно, поэтому многочисленные лыжники, проводившие выходной день на природе, возвращались в Москву не вечером, как дачники летом, а намного раньше. Николай с мальчиками с трудом втиснулся в набитый вагон, оккупированный студентами, судя по веселым громким разговорам — однокурсниками. Они остались ютиться в тамбуре, потому что на каждой остановке кто-то входил, и была велика опасность, что в Успенском Славка просто не сможет выбраться наружу.

Когда электричка замедлила ход, Юра сказал:

— Завтра как договорились? Приедешь?

— А то! — бодро отозвался Славик. — Последний день перед школой надо провести так, чтобы было о чем вспомнить.

Он выбрался наружу, обернулся и помахал старшему и младшему Губановым.

— О чем собираетесь вспоминать? Какой план на завтра? — спросил Николай.

— Пойдем на «Последнюю реликвию».

— Да ты, по-моему, уже два раза этот фильм смотрел!

— Ну и что? Он классный. Тебе жалко, что ли?

Губанов сразу почуял, что сын оцетинился и собрался то ли обидеться, то ли нагрубить. Господи, из-за такой ерунды! Вот он, переходный возраст. Никогда не угадаешь, какую реакцию вызовут самые невинные слова.

— Наоборот, я рад, что вы со Славиком завтра снова встретитесь. И вообще я рад, что у тебя есть такой замечательный товарищ.

Он помолчал, потом добавил:

— И хорошо, что ты у него есть. Ему ведь очень трудно, я понимаю. Мы с тобой много раз об этом говорили. Хорошо, что ты рядом с ним все эти годы.

— Пап...

Юра заговорил осторожно, и в голосе его уже не слышалось той детской агрессивности, которую еще несколько секунд назад уловил Губанов.

— Что, сынок?

— Славка не верит, что дядя Витя мог... ну... сделать такое.

— Я знаю, сынок, мы с тобой это неоднократно обсуждали. И со Славиком я об этом говорил.

— А ты?

— Что — я?

— Ты веришь?

— Нет, сынок, не верю, — твердо ответил Николай. — Дядя Витя хороший человек. Но в жизни, к сожалению, очень часто случается, что мы считаем человека хорошим, потому что слишком мало знаем о нем. А потом, когда он совершает плохой поступок, удивляемся и не верим. Ты спроси у дяди Миши или у тети Нины, они тебе расскажут, сколько раз родители приходили к ним и говорили, что их сын не мог сделать ничего плохого, потому что он чудесный мальчик. Родители обычно видят в своих детях только самое лучшее, а плохого не замечают. И дети в своих родителях тоже видят только хорошее.

— Так я не понял: ты веришь или нет? Ну, про дядю Витю.

— Конкретно про дядю Витю — нет, не верю. Но вера — это такая штука, сынок... Ненадежная. Были доказательства, работал следователь, и не один, потом состоялся суд. Вряд ли все они ошиблись.

— Но могли? Могли они ошибиться? — упрямо допытывался Юра.

— Я не знаю. Они живые люди, а каждый человек может совершить ошибку.

— Значит, я докажу, что все они ошибались, — с недетской убежденностью заявил Юра. — Вырасту, стану самым лучшим сыщиком, найду настоящего преступника и докажу, что дядю Витю посадили неправильно.

— Его не посадили, — мягко возразил Губанов. — Он находится в специальной больнице на принудительном лечении, он нездоров.

— Все равно я докажу.

Лицо сына словно закаменело, по-детски пухлые губы превратились в твердую складку.

— Это правильно, сынок, — одобрительно кивнул Николай. — Если сомневаешься — нужно идти до конца и проверять все до мелочей. Но тебе придется очень и очень стараться, если хочешь стать по-настоящему лучшим в раскрытии преступлений.

— Постараться? А как?

— Нужно очень много учиться. Нужно много знать и много уметь.

— Что уметь? — с жадным любопытством спросил паренек. — Драться? Стрелять? Приемчики всякие?

— И это тоже. Но приемчики и стрельба — не главное. Возьми, к примеру, того же дядю Витю: разве для того, чтобы его поймать, нужно было драться или стрелять? Запомни, сынок: хороший сыщик должен быть очень умным, у него должно быть быстрое и гибкое мышление. А для этого нужно постоянно тренировать мозги. Нужно уметь за долю секунды отделить главное от второстепенного, не упустить ни одной мелкой детали, потом сопоставить их, сделать вывод и выработать линию поведения.

В глазах сына Николай явственно видел недоверие. Значит, нужны понятные и доходчивые примеры.

— Ты помнишь, мы вместе смотрели «Адъютант его превосходительства»?

— Конечно! — оживился Юра.

— Вот Павел Андреевич Кольцов. Ты только вспомни, как он говорил, как ходил, как вел себя. Образованный человек, воспитанный, его в кругу белогвардейцев принимали за своего. А был бы он малограмотным и грубым, разве смог бы выполнить задание?

— Так он же разведчик был, а не сыщик! Там перед кино специально сказано, что посвящается первым чекистам.

— А какая разница, разведчик или сыщик? Пойми, сынок, и те и другие работают, чтобы раздобыть нужную информацию. Только разведчики ищут информацию о том, что задумали наши враги, а сыщики — о том, что задумал или сделал преступник. Содержание информации разное, но методы одни и те же. Потому что эту информацию нужно раздобыть у того, кто ею обладает. То есть нужно сообразить, кто может знать то, что тебе нужно, а потом придумать, как заставить его рассказать. Вот и все. Нужно уметь разговаривать с людьми, правильно понимать то, что они говорят и как себя ведут, замечать, где они лгут, а где говорят правду, и правильно выстраивать собственную линию поведения. Никакими

другими способами преступление не раскрыть, можешь мне поверить.

Всю оставшуюся дорогу до Москвы Николай Губанов с удовольствием и энтузиазмом объяснял сыну, насколько важен для работы сыщика большой объем самых разнообразных знаний, не имеющих на первый взгляд ни малейшего отношения к преступности и вообще к чему бы то ни было криминальному. Потому что источником важнейшей информации может оказаться кто угодно, от бомжа-алкоголика до философа-академика, и нужно уметь наладить с ним контакт, подобрать ключик, вызвать доверие, а это совсем не так просто, как кажется на первый взгляд. Кроме того, Губанов был твердо убежден, что знания из самых разных областей если и не принесут практической пользы, то в любом случае дисциплинируют мышление, заставляя его двигаться в разных направлениях и быстро переключаться.

Он говорил, стараясь не сбиваться на казенный язык, которым пользовался, составляя бесчисленные документы, докладные и аналитические записки. Писанины теперь у Губанова много: новый министр задал курс на повышение интеллектуального уровня сотрудников милиции, их культуры и профессионального мастерства, а также на широкое использование достижений науки и техники и развитие научных исследований внутри самого ведомства. Карьера Николая Андреевича Губанова резко пошла вверх, он оказался

одним из тех, кто стоял у истоков этого нового курса, руководство вспомнило его рапорты и докладные, которые всего какой-нибудь год назад казались неуместными и ненужными, вызывали скептические улыбки, а порой и издевательский смех. Министр Щелоков, разобравшись в течение первого года с существующим положением дел, пришел к выводу, что необходимо кардинально менять всю концепцию борьбы с преступностью. И в первую очередь следует откровенно признать, что эта борьба не ограничивается одной только охраной общественного порядка и силами общественности тут никак не обойтись. Нужно прекратить практику «комсомольско-партийных вливаний» в кадровый состав и начать готовить высокообразованных сотрудников. Потому что главное — это на самом деле профессионализм, а вовсе не энтузиазм и шапкозакидательство.

Работа шла на протяжении всего 1968 года. Работа напряженная и кропотливая. И не всем нравилась новая политика министра. Постоянно возникали конфликты, сторонники старого курса были недовольны, считали себя ущемленными, не верили в новые перспективы, старались подсадить или подставить тех, кто поддерживал идеи и устремления Щелокова.

Но вот все сбылось! В ноябре 1968 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О серьезных недостатках в деятельности милиции и мерах по дальнейшему ее укрепле-

нию». В нем были изложены все те соображения, над которыми целый год трудились в министерстве по указанию Щелокова. Николай Губанов, к тому времени уже майор, с трепетом читал текст постановления, узнавая в отдельных местах собственноручно написанные им фразы и приведенные цифры. Они работали не зря! И мечтали не напрасно.

Недели не прошло, как вышел Указ Президиума Верховного Совета СССР: Министерство охраны общественного порядка переименовано в Министерство внутренних дел. И через два с небольшим месяца правительство страны утвердило новую структуру министерства. Теперь каждое управление занималось своим делом и появилась возможность специализации милицейских служб. А коль есть четко определенная специализация, то следующий шаг — профильная подготовка кадров именно для конкретных служб, а не для милиции «вообще», как было раньше. Майор Губанов был счастлив, ведь он уже давно продвигал необходимость специальной подготовки сотрудников. В одной высшей школе будут готовить оперативников для уголовного розыска, в другой — оперативников для службы БХСС, в третьей — следователей, в четвертой — сотрудников ГАИ, в пятой — работников исправительно-трудовых учреждений. У каждого учебного заведения своя специфика, свой набор дисциплин. Даже ведутся разговоры об организации отдельной школы для подготовки сотрудников

политико-воспитательных аппаратов. Тоже нужное дело. А то вон брат Миша: был плохим следователем, потому что учился кое-как, без интереса, а теперь занимается политико-воспитательной работой, хотя какой из него воспитатель? Ничего не знает, не умеет толком, за всю жизнь хорошо если полторы книги прочитал, кроме учебников, да и учебники-то изучал халтурно, по диагонали, лишь бы на уроке или на экзамене как-нибудь ответить. Ну, дай бог, скоро с подготовкой кадров все наладится.

И, как завершающий аккорд, летом того же года вышел Приказ МВД СССР о введении обмундирования нового образца. Теперь сотрудники милиции ходили в форме другого фасона и темно-серого цвета, а не темно-синего, как раньше.

Вот она, новая милиция! Откроют новые высшие школы, подготовят новую когорту образованных и умелых сотрудников, поддержат научные разработки — и борьба с преступностью выйдет на совершенно иной уровень. Науку нынче ценят, уважают. Теперь начальник Главного управления уголовного розыска не кто-нибудь, а настоящий ученый, доктор юридических наук, специалист в области преступности. Уж какими коврижками министр сумел заманить на эту должность директора Научно-исследовательского института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности — никому не ведомо, а только результат налицо: вчера еще был директором

института и профессором, а сегодня — главный сыщик страны!

Электричка въехала в город. «Если Юрка не передумает и не утратит интереса, то поступать будет в семьдесят третьем году, — думал Губанов, глядя на мелькающие за стеклом вагонной двери огни вечерней Москвы. — К этому времени уже создадут новые школы, напишут новые учебные программы и планы, наберут квалифицированные кадры, переманят с гражданки кандидатов и докторов наук. Будет кому учить ребят. Как хорошо!»

Осень 1972 года

Антонина Губанова

Проснулась минут за пять до звонка будильника, сладко потянулась. Из кухни доносился сладковатый запах жарящихся оладий с яблоками. И как только маме удастся просыпаться так рано? Сама Нина спала бы каждый день часов до одиннадцати, если бы не работа. Но в такие дни, как сегодня, она просыпалась без всяких звонков: внутренние часики неумолимо отсчитывали время и требовательно напоминали о том, что проспать никак нельзя. Парикмахерская открывается в семь утра, и если без десяти семь не стоять под дверью, то в пять минут восьмого уже может не оказаться свободного кресла. В канун ноябрьских праздни-

ков во всех организациях, на всех предприятиях проходят торжественные собрания, посвященные очередной годовщине Октябрьской революции, и дамы из парткомов, профкомов, всякие начальницы и прочие садятся на сценах в президиумы. Не говоря уж о тех, кого будут вызывать, объявлять победителями соцсоревнования и награждать грамотами за добросовестный труд. В такие дни число женщин, желающих явиться на работу при полном параде, зашкаливает, и всем ведь нужно сделать прическу именно с раннего утра, чтобы к девяти часам быть на месте.

У Нины на службе торжественное собрание запланировано на послезавтра, но награждать ее в этот раз не собираются, ей на майские праздники уже вручили грамоту. В этом году в ноябре не только пятьдесят пятая годовщина Революции, но и 55 лет советской милиции отмечают, финансирование на премии выделяют солидное, и награждать будут тех, кто позначительнее, рангом повыше. Распределение наград и поощрений — дело тонкое, политическое, уж этот-то нюанс Нина давно усвоила. На майские получила — будь довольна и в ближайшие год-полтора ничего больше не жди. Так что в день собрания парадный вид не очень-то и нужен. Зато сегодня — обязательно. Сегодня очередное заседание комиссии по делам несовершеннолетних при райисполкоме, где Антонине Андреевне Губановой предстоит докладывать материалы о трудных подростках

и о мерах по борьбе с безнадзорностью. Когда эти комиссии только создали, пять лет назад, на заседания первое время ходило начальство, но постепенно накал ответственности за новое дело снизился, и теперь обязанность присутствовать прочно закрепилась за старшим инспектором Губановой. Нина очень старалась соответствовать, оправдать доверие и не ударить лицом в грязь. Ведь исполком же! А в исполкоме — работники не только женского, но и мужского пола. Конечно, они почти все женатые, но именно что почти. Можно найти и вполне подходящего холостяка. А что такого? Ей двадцать шесть лет, она кандидат в члены партии, характеристики отличные, на работе Нину ценят, уважают — вон какое дело доверили. Для исполкомовского работника невеста она — хоть куда! Ну да, без институтского диплома, зато на личико красивая и фигурой статная. Придется, наверное, признать, что Мишка был прав, когда нудел про высшее образование. Весь мозг ей промыл, заставил-таки отучиться два года в педучилище, получить бумажку о средне-специальном образовании. Бумажка помогла, что было — то было, не признать нельзя. Новая политика министерства очень поощряла образованных сотрудников. Так что Нина теперь считалась пусть и младшим, но офицерским составом. И детские комнаты милиции обрели более солидное название: инспекции по делам несовершеннолетних. Эх, знала бы заранее, что

получит шанс искать мужа в среде ответственных работников, озаботилась бы институтом. Мишка отучился на заочном — и ничего, не лопнул от напряжения, так неужели она не справилась бы? Впрочем, еще не поздно, ей всего двадцать шесть. Надо будет — решит вопрос, у нее еще столько лет впереди!

Нина быстро умылась и ринулась на кухню завтракать. От резкого движения хлопнула дверь ванной.

— Тише! — недовольно зашипела мать. — Мишу разбудишь.

— Перебьется твой Миша, не барин, — легкомысленно ответила Нина, усаживаясь за стол. — Ты вообще ни свет ни заря вскакиваешь, а его жалеешь.

— Я и тебя жалею. Зачем ты волосы обрезала? Когда были длинные — накрутила на бигуди, легла спать, а утром как куколка. Так нет, нужно было обязательно стрижку сделать, а теперь покоя нет, мчишься в свою эту парикмахерскую, вместо того чтобы поспать лишний часик.

Нина судорожно запихивала в себя горячие оладьи, политые сметаной и вареньем, не забывая посматривать на часы. Спасибо партии и правительству за активное строительство метро, теперь не нужно тащиться на автобусе до ближайшей станции, и экономия времени выходила очень солидная, целых сорок минут. Если бы не метро, она бы ни за что не успевала с прической.

— Мам, у меня сегодня исполком, я же тебе говорила, — сказала она с набитым ртом. — Нужно прилично выглядеть.

— Замуж тебе нужно, а не прилично выглядеть, — вздохнула Татьяна Степановна. — Думаешь, я не понимаю? Кого ты там найдешь в своем исполкоме? Все семейные, солидные, серьезные люди. Поискала бы среди своих лучше. Вот Гришенька какой славный мальчик! Чем он тебе не угодил?

— Да он лимита, — рассмеялась Нина. — Ты что, мам? Ему вообще все равно на ком жениться, лишь бы московскую прописку получить.

Григорий ухаживал за Ниной трогательно, смотрел на нее восторженными влюбленными глазами, но девушка, хотя и принимала эти ухаживания, всерьез кандидатуру парня не рассматривала. Ну куда это годится? Лимитчик из патрульно-постовой службы, старшина, живет в общежитии. Симпатичный, неглупый, добрый и заботливый, но куда его в мужья-то? Переезжать к нему в общагу? Вот уж нет. Привести сюда, в «двушку» с запроходной комнатой? И дальше как? Переселять Мишку в одну комнату с матерью? И снова — нет. А если Мишка тоже надумает завести семью, то вообще настанет полный караул.

Мать осуждающе покачала головой:

— И почему ты всегда думаешь о людях плохо? С чего ты взяла, что Гриша нацелился на прописку и квартиру? Он же тебя любит, это невооруженным глазом видно! Смотри, доча, пробросаясь.

Таких, как Гришенька, разбирают влет. Серьезный мальчик, хороший. Какого еще принца тебе надо? Тебе двадцать шесть лет, Нина, через год будешь считаться старой первородкой, рожать давно пора. О чем ты только думаешь?

Ну, ясное дело, матери хочется внуков понявчить, Юрка уже вырос, школу оканчивает, с него какая радость? Маме малышей подавай, чтобы тетешкаться с ними. И чего она к Нине привязывается? Мишка на шесть лет старше, а с него она семьи и деток не требует. Ну, может, и требует, конечно, но Нина что-то этого не слышит.

Девушка встала, подошла к матери, обняла ее.

— Мамуля, я любви хочу, а не замуж, понимаешь? Хочу встретить такого человека, которого могла бы любить так, как ты папу любила. Думаешь, я была совсем мелкая и ничего не помню? Отлично помню! Я видела, с каким обожанием ты всегда смотрела на папу, как слушала каждое его слово, как заботилась о нем. Он для тебя был всем на свете, центром вселенной. Самым умным, самым лучшим, самым любимым. Вот и я так же хочу.

Татьяна Степановна вздохнула и улыбнулась:

— Это надо, чтобы сильно повезло, доченька. Не каждому такое выпадает. Давай-ка пей чай и соберись, не то опоздаешь к своей мастерице.

Нина в очередной раз бросила взгляд на простенькие настенные часы: мама права, нужно поторапливаться. Выпила в три глотка чашку чая, помчалась в комнату одеваться. Белье. Форменная

юбка, чуть-чуть заушенная книзу, самую капельку. Конечно, по стандарту не положено, но никто ведь не станет измерять сантиметром, даже если и заметит слегка улучшенный силуэт. Голубая рубашка. Галстук на резинке. Китель, тоже подогнанный по фигуре, потому что иначе никак: у Нины пышная грудь и красивые широкие бедра, а талия тонюсенькая, просто грех ее не подчеркнуть. Получить талон на индивидуальный пошив в эмвэдэшном ателье у Губановой нет возможности, такие привилегии только для начальства, приходится получать на складе стандартную форму такого размера, чтобы «проходили» грудь и бедра, а талию уже подгонять самостоятельно.

Она с удовольствием осмотрела себя в зеркале. Хороша! И нечего ей замуж торопиться, нужно дождаться того, кого она будет любить по-настоящему. От кавалеров отбоя нет еще со школьных лет, а что толку? Только один, всего один раз ее сердце зашло так, что, казалось, уже никогда больше не сможет биться. Отец хулигана, воришки и побегушника, вдовец, упустивший двенадцатилетнего сына, когда сам пытался справиться с горем после внезапной смерти жены. Несколько месяцев приходил в себя, пил по-черному, страдал, ничего вокруг не видел, не замечал, а паренек в это время почувствовал себя брошенным, никому не нужным, ну и... Дальше все понятно.

Когда отец мальчика впервые пришел к инспектору Губановой, все оказалось запущено донель-

зя. У Нины к тому времени уже и немалый опыт накопился, и здоровый цинизм сформировался. Она знала школу, в которой учился малолетний воришка-хулиган: из всех учителей только двое были прирожденными педагогами-воспитателями, которые могли бы при желании оказать нужное воздействие, на остальной педсостав надежды никакой. Пионерскую организацию она тоже в расчет не брала. Один из учителей преподавал физику в девярых-десятых классах, а парень пока учился только в седьмом. Второй же, военный-отставник, вел уроки начальной военной подготовки, и Нина сделала ставку на него. Совместными усилиями они смогли удержать подростка на опасном краю и даже немного оттянули назад, в безопасное пространство. За это время между инспектором Губановой и вдовцом сложились те самые отношения, о которых Нина так мечтала. Но не получилось. Дети редко готовы принять другую женщину вместо недавно умершей мамы, так что все объяснимо. Не годилась Антонина Андреевна мальчику в мачехи.

Сколько слез тогда было пролито! Сколько подушек истерзано... Именно тогда Нина изменила прическу, рассталась с роскошными локонами, сделала стрижку. Ей казалось, что вместе с волосами от ее головы отделяются глупые несбывшиеся мечты о свадьбе и долгой совместной счастливой жизни с любимым мужем, приемным сыном и общими детьми, непременно мальчиком и девочкой.

Отрезать все, выбросить в помойку и больше не вспоминать.

Мама говорит, что должно очень повезти, чтобы было так, как у нее с папой. Ну что ж, ей, Нине, тоже повезет когда-нибудь. Обязательно повезет.

Торопиться некуда, впереди еще много лет.

Как это некуда торопиться? А парикмахерская? Засмотрелась на себя в зеркале, задумалась, замечталась, а часики-то тикают. Не опоздать бы, а то в кресло к самой лучшей мастерице усядется какая-нибудь необъятная чиновница и будет требовать, чтобы ей соорудили на голове «халу».

Уходя из квартиры, нарочно громко хлопнула дверью. Пусть Мишка, мамин любимчик, проснется раньше времени, ему полезно.

Май 1973 года

Юра Губанов

Вода в озере еще холодная, но так приятно сидеть на мостках, опустив босые щиколотки в ласковый упругий шелк и глядя на мелкую рябь, поднятую теплым майским ветром и переливающуюся на солнце. Лохматый крупный беспородный пес по кличке Гром дисциплинированно сидел между Юрой и Славиком, как влитой, не делая ни малейшей попытки встать.

Юра запустил пальцы в густую собачью шерсть и слегка потянул, наслаждаясь ощущением чего-то

жесткого и при этом живого, как будто в ладонь перетекала горячая энергия. Жаль, что теперь такого долго не будет...

— Значит, точно больше не приедешь? — тоскливо спросил Славик.

Юра помотал головой:

— Не-а, Слав, не получится. Нужно к экзаменам готовиться, у меня с химией и физикой не очень, придется приналечь.

— Ну да, у тебя же выпускные... А потом?

— Потом последний звонок и снова за учебники, готовиться к поступлению. Мы даже дачу в этом году снимать не будем, некому на ней жить. Бабушке одной — бессмысленно, а мне заниматься надо, буду в Москве сидеть.

— Но заниматься же и на даче можно, — с надеждой возразил Славик. — Какая разница, где учебники читать?

— Да ты что! С одними учебниками фиг поступишь, надо всякую дополнительную литературу читать, а где ее брать? Только в библиотеке. Там знаешь какой конкурс? Сдать вступительные в школу милиции — это надо очень постараться.

— Да ладно! — не поверил Слава. — Хочешь сказать, что все прямо мечтают стать милиционерами? Генку из крайнего дома на нашей улице помнишь?

— Помню. И что?

— Он в прошлом году в институт поступил без всякой библиотеки. По-моему, он вообще даже

и не готовился особо. Ты же умный, Юрок, ты и так все сдашь лучше всех.

— Ты не понимаешь. В школы милиции берут после армии. После десятого класса берут тоже, но очень мало и не во все «вышки». В Москве, например, не берут вообще. Поэтому я в Омск и поеду. Таким, как я, чтобы прорваться в школу милиции, нужно быть на голову лучше тех, которые в армии отслужили, потому что им всегда отдают предпочтение. Так мне отец объяснил.

— Ладно, — вздохнул Славик. — А когда вернешься? После того, как поступишь?

— Да ты что! Отец говорил, что сначала экзамены, потом мандатная комиссия, на которой будут рассматривать все оценки и решать, кого взять, а кого отфутболить, потом приказ о зачислении — и сразу в лагеря на сборы, на целый месяц. И потом учеба. Так что приеду домой только в конце января на каникулы. Если вообще поступлю, конечно, — осмотрительно добавил Юра.

Он не стал пересказывать товарищу все то, о чем предупреждал его отец. Поступление в Высшую школу милиции было совсем не похоже на поступление в другие институты. Нельзя просто прийти с улицы и подать документы. Сначала нужно получить направление на поступление. Это не так-то просто, но тут отец помог, конечно, он же работает в управлении учебных заведений министерства. После этого тебя проверяют с ног до головы: кто ты такой есть, как себя ведешь, что

о тебе думают в комсомольской организации, не было ли в твоей жизни чего-нибудь криминального или даже просто предосудительного, кто твои родители, нет ли судимых среди ближайших родственников. Даже если ты попался в лапы народных дружинников в нетрезвом виде — уже плохо. К моральному облику будущего офицера милиции относятся крайне серьезно, отец рассказывал, что даже специальный приказ об этом в министерстве издали. Название приказа было длинным и путаным, но Юра запомнил: «Об улучшении нравственного и эстетического воспитания слушателей и курсантов высших и специальных средних учебных заведений МВД СССР». На проверку уходит обычно несколько месяцев, поэтому направлением следовало обзавестись заранее. Если проверку прошел без нареканий — тебя направляют на медкомиссию, где тоже все проверяют от и до и вполне могут отсеять, не пропустить. Проскочишь медкомиссию — получаешь разрешение на сдачу вступительных экзаменов, но перед экзаменами будет еще одна медкомиссия, уже в самой школе, и там тоже могут найти, к чему придраться. Во время экзаменов жить придется в лагерях, в палатках, среди незнакомых парней, подавляющее большинство которых отслужило в армии и прошло незабываемую школу дедовщины, так что сложностей прибавится: нужно будет собрать волю в кулак, не поддаваться на провокации, держать себя в руках и сохранять

хладнокровие при любых ситуациях, потому что полезешь в драку — выпрут мгновенно и без разговоров. Одним словом, трудностей предстоит немало, и жизнь медом не покажется.

— А ты сам-то не передумал? — спросил он Славика. — Точно не будешь в институт готовиться?

— Да какой мне институт, — махнул рукой тот. — Ты же сам видишь, как у нас... Вот сейчас девятый класс окончу и пойду в какое-нибудь ПТУ. Знал бы, что так выйдет, вообще после восьмого ушел бы из школы.

В конце осени отец Славика вернулся домой. Вернее, не сам вернулся, а его вернули, выпустили из психбольницы. Это был уже не тот прежний дядя Витя, которого помнили его близкие. Глаза бессмысленно взирали на окружающий мир, губы то и дело произносили какие-то непонятные фразы. «Закололи до состояния овоща», — говорили о нем в поселке. Бывали минуты просветления, когда Виктор на короткое время казался почти нормальным, мог, например, заварить себе чаю и сделать бутерброд. Но в основном он целыми днями сидел либо в доме, либо на крыльце, периодически пытаясь куда-то уйти. Если его вовремя не перехватывали — блуждал по улицам, пару раз углублялся в лес, и приходилось долго искать его. Жена и сын поняли, что оставлять Виктора дома одного опасно: если не уйдет, так пожар устроит, потому что забудет выключить газ под чайником. «Да сдайте вы его в интернат для пси-

хов, — советовали знакомые. — Это ж невозможно так мучиться!»

Об этом не могло быть и речи. Зинаида попросила на работе, чтобы ее ставили только на вечерние и ночные смены: с утра и до обеда Славка должен быть в школе, а уж после школы он за отцом присмотрит.

Но перспективы выглядели пугающе. Ну, допустим, Славик доучится, окончит десятилетку. Пока школьник — занят только до обеда, а потом сам себе хозяин, может сидеть дома, учить уроки и больного отца караулить. А дальше как? Зинаиде до пенсии далеко, она должна работать, иначе попадет под статью о тунеядстве, да и жить-то надо на что-то. Вот и решили, что сын после девятого класса пойдет учиться в ПТУ в ближайшем райцентре, там пусть крохотная, но стипендия, и эту стипендию можно будет тратить на то, чтобы приплачивать за пригляд за Виктором, если у жены и сына не будет получаться. Плюс льготы на питание и на проезд в общественном транспорте, что тоже лишним не будет.

За несколько месяцев, прошедших с возвращения отца, Славик сильно изменился и теперь выглядел старше своего друга. Постоянная тревога и озабоченность сделали веселое мальчишеское лицо угрюмым, в глазах то и дело мелькала озлобленность, и только рядом с Юрой Губановым парнишка немного расслаблялся и снова становился прежним Славкой, готовым в любой момент под-

держат самую лихую и завиральную идею или принять участие в увлекательной игре.

Славик нехотя вытащил ноги из воды и принялся обтирать их носовым платком.

— Пойдем, пора мне. Скоро матери на смену идти.

При слове «пойдем» Гром немедленно вскочил и завилял хвостом.

— Побудешь еще или сразу на электричку? — спросил Славик.

В его голосе было столько мольбы и надежды, что Юра не раздумывая ответил:

— Побуду, конечно.

Он знал, что будет нелегко, и был к этому готов. Приезжая к Славке, он почти всегда заходил в дом и видел Виктора. Уже через пять минут сердце начинало давить так, что Юре хотелось выть. «Я не выдержу, — думал он, мысленно отталкивая от себя надвигающийся ужас, смешанный с состраданием. — Я бы не смог провести здесь даже полчаса. Как они выносят это? Сколько же нужно сил, чтобы вот так, изо дня в день, и конца не видно...»

Однажды, вернувшись из Успенского, он поделился с отцом. Спросил совета: как бы так сделать, чтобы не заходить в дом, но при этом не обидеть Славку.

— Никак не сделать, — ответил отец. — Надо заходить и терпеть. Переживать все это. Не избегать.

— Но зачем?

— Сынок, каждому человеку приходится учиться жить рядом с горем. С чужим или со своим. А тем более тебе.

— Почему? — не понял тогда Юра.

— Потому что ты собрался быть тем, кто постоянно будет иметь дело с потерпевшими, с жертвами преступлений. А преступления бывают очень страшными. Если ты не научишься терпеть рядом с собой чужое горе, ты не сможешь быть хорошим сыщиком. Да и хорошим человеком тоже вряд ли станешь. Учись не трусить, не избегать, быть поддержкой и опорой. Понимаю, что это тяжело, ну а кому легко? Жизни без горя не бывает.

И Юра мужественно заходил в гости к другу даже тогда, когда налицо имелись прекрасные отговорки и отмазки.

Дядя Витя что-то бормотал себе под нос, уставившись бессмысленным взглядом на свои беспокойно шевелящиеся пальцы, а мальчики ели тушеную капусту с сосисками и смотрели по телевизору какую-то научно-познавательную передачу про Арктику.

Около шести вечера Юра собрался уходить, Славик проводил его до калитки.

— Значит, теперь до самой зимы? — печально спросил он.

Юра молча кивнул. От этого голоса, от этого безнадежного выражения лица у него в горле встал ком, который никак не удавалось сглотнуть. Гром преданно стоял рядом, и пришлось присесть на

корточка и потрепать пса по морде и холке, чтобы успели остыть накипающие слезы.

— Юра...

Славик запнулся и замолчал.

— Что, Слав?

— Ты точно не передумаешь?

— Ты о чем?

— Ну.. стать самым лучшим сыщиком и доказать, что папу неправильно обвиняли. Ты обещал. Не забудешь?

— Я никогда не передумаю, — твердо и серьезно ответил Юра Губанов. — И никогда не забуду. Даю слово.

Декабрь 1974 года

Михаил Губанов

До двери оставалось всего несколько шагов, когда Михаил увидел, как из своего подъезда пулей вылетел Николай. Без шапки, пальто нараспашку. Брат шел быстрым шагом, почти бежал в сторону метро.

Странно... Сегодня суббота, Николай во вторник улетел в командировку и должен был как раз сегодня вернуться. Ну, вернулся, стало быть. И что случилось? Ларка тяжело заболела и нужна скорая? Так у них есть телефон, вызвали бы. Телефон не работает? Но Колька только что промчался мимо будки телефона-автомата, даже не притормозив.

Перебирая в голове возможные варианты, вплоть до самых плохих, Михаил миновал дверь своего подъезда и направился в квартиру брата. Позвонил в дверь — не открыли. Достал из кармана связку ключей, щелкнул замком, вошел. Свет горит, на кухне бормочет радио.

— Что, остыл? — донесся развязный нетрезвый голос. — Одумался?

Понятно. Ларка опять напилась. И именно в то время, когда муж вернулся из командировки. Ну что ж за дура-то, елки-палки! Несколько дней Николая не было дома, пила бы себе, сколько влезет, но к приезду супруга должна быть как стеклышко, благоухать духами, при полном параде, да еще и с пирогами на столе.

Лариса сидела в комнате на диване, поджав под себя ноги, в руках бутылка. Ни бокала, ни даже обычного стакана, ни тарелки с закуской. Типичная алкоголичка, пьет в одиночестве и прямо из горла.

Михаил аккуратно повесил пальто в прихожей, снял ботинки, всунул ноги в тапочки, молча вошел, сел за стоящий посередине комнаты стол.

— И что у нас случилось? — спросил он. — Почему ты напилась?

— Не твоя забота, — огрызнулась Лариса и демонстративно отпила из бутылки. — Чего приперся? Колька пожаловался и велел оказать на меня воспитательное воздействие? Ты ж у нас великий замполит.

— Я с ним не разговаривал. Видел только, что он выскочил из дома как ошпаренный и помчался куда-то. Так что случилось?

— Ничего, — буркнула она.

— Понятно. Муж вернулся из командировки, а жена — в хлам. Ларка, у тебя что, совсем мозгов нет? Ты же знала, что Коля сегодня прилетает, неужели нельзя было не нажираться, как свинья?

— Я день перепутала. Думала, что завтра, — ответила Лариса уже совсем беззлобно. — К завтрашнему дню была бы как огурчик.

— Огурчик? — усмехнулся Михаил. — Да от тебя на следующий день перегаром на всю квартиру несло бы.

— И плевать.

Она снова сделала глоток, приподняла бутылку, посмотрела на свет, оценивая количество напитка, потрясла, горестно вздохнула.

Это тянулось уже давно. Поэтические посиделки, на которые Лариса ходила когда-то, обязательно сопровождались возлияниями, но это казалось совершенно нормальным и ни у кого не вызывало вопросов. Потом жена брата стала то и дело приходить с работы уже «с запахом»: то в лаборатории отмечали чей-то день рождения, то премию за новую разработку, то всенародный праздник, то еще что-нибудь столь же значительное и вполне оправдывающее принятие рюмки-другой. Все происходило постепенно, незаметно...

И вдруг однажды Николая ночью разбудил телефонный звонок: милиция задержала его жену в компании таких же пьяных собутыльников, когда они дружной компанией вывалились из ресторана Дома литераторов и шумно нарушали общественный порядок. Губанову-старшему пришлось задействовать кое-какие связи, чтобы погасить скандал. На службе, конечно, узнали, но спустили на тормозах, заручившись твердым обещанием Николая провести с супругой разъяснительную работу о недопустимости подобного поведения, которое пятнает репутацию не только жены офицера, но и самого офицера тоже. Протрезвевшая Лариса клялась и божилась, что такого больше не повторится. Но цена этим обещаниям оказалась меньше ломаного гроша. Лариса продолжала пить, хотя в скандальные истории больше не попадала. Но это ведь только до поры до времени...

— Послушай меня, Лара. — Михаил заговорил негромко, очень спокойно и размеренно. — Хочешь гробить свое здоровье и всю свою жизнь — пожалуйста. Это сугубо твое личное дело, я в него не лезу. Но в той мере, в какой это касается моего брата и всей моей семьи, это уже и мое дело. Я хочу, чтобы в моей семье были мир и спокойствие. Я хочу, чтобы никто не нервничал и не переживал. Я хочу, чтобы члены моей семьи были довольны и счастливы. Это понятно?

— Не дура, — хмыкнула Лариса и ласково погладила бутылку. — Дальше что?

— А вот об этом я как раз тебя хотел спросить. Дальше-то что, Лара? Если ты забыла, то я напому тебе: вашему сыну уже исполнилось восемнадцать. Это означает, что Колька может в любой момент подать на развод в ЗАГС, и вас разведут в пять секунд. Пока Юрка был несовершеннолетним, разводиться нужно было через суд, а это долго и муторно. Теперь все проще. И никто Колю за это не осудит, поскольку ребенок уже взрослый. На его карьере развод никак не скажется.

Лариса злобно прищурилась:

— Ты меня разводом пугаешь, что ли? Да ради бога, пусть разводится! Тоже мне, великое счастье: быть женой Николая Губанова, который за всю жизнь прочитал три книжки, из которых одна — Уголовный кодекс, а еще одна — букварь. С твоим братом даже поговорить не о чем, ему не интересно все, что не касается его работы. Лучше уж совсем без мужа, чем с таким.

— Понимаю, — кивнул Михаил. — Нужно искать родственную душу, которая тебя понимала бы. Нашла?

— Кого? — тупо переспросила Лариса.

— Того, к кому ты уйдешь, когда Колька тебя выгонит к чертовой матери.

— Да пошел ты! — взорвалась она. — С чего это он меня выгонит? Может, я сама от него уйду, еще и дверью хлопну.

— И куда пойдешь? — насмешливо спросил Миша. — К любовнику?

— Нет у меня никакого любовника.

Ну, положим, есть, и Михаил прекрасно знал, кто именно. Беда, однако, в том, что этот человек не свободен и свободу от супружеских уз обрести отнюдь не собирается, у него двое несовершеннолетних детей и вполне приличная репутация в Союзе писателей, портить которую ему совсем не с руки.

— Коль нет любовника, то идти тебе, моя дорогая, некуда. Где у тебя мама-старушка проживает? В деревне под Калугой? Ты туда собираешься съехать? Подозреваю, что нет. У тебя в Москве работа, друзья, поэты твои богемные. А жить где? Только здесь. Допустим, пока Юрка учится в Омске, вы с Колькой будете жить как соседи, в разных комнатах. А потом, когда парень вернется? Он уже на втором курсе, между прочим, ему учиться осталось всего два с половиной года, и эти два с половиной года промелькнут так быстро, что ты и ахнуть не успеешь. Вернется молодой мужчина, офицер, захочет устроить свою личную жизнь, приведет в дом невесту, потом жену. Как ты себе представляешь жизнь в разводе в таких условиях?

Лариса допила бутылку одним глотком, поставила пустую тару на пол, посмотрела вызывающе.

— Квартиру разменяем. Я здесь прописана, имею право на свою долю жилплощади.

— Прекрасно! Вот это, — он широким жестом обвел рукой вокруг себя, — меняется только на две комнаты в коммуналках. Даже на «однушку»

и коммуналку это не потянет, метраж маленький, планировка неудобная. По общей кухне соскучилась? По очереди в ванную? По склочным соседям? По бараку, из которого наша семья тебя выгнала благодаря труду нашей матери? Ты — смазливая деревенская девчонка, которая жила в общежитии и не имела ничего, а теперь живешь в отдельной квартире с мужем, который получает очень приличную зарплату. Давай, двигай вперед, к разводу, живи неизвестно где на свою зарплату лаборантки. Ты этого хочешь?

— Да пошел ты... — повторила она, не очень, Впрочем, уверенно. — Тоже мне, учитель жизни нашелся. Иди своих милиционеров воспитывай, а меня не надо.

Михаил помолчал.

— Я не пытаюсь тебя воспитывать, Лара. Я пытаюсь донести до тебя простую мысль: не нужно провоцировать моего брата на резкие движения. От развода ты не выиграешь, поверь мне. Ты много чего потеряешь и ничего не получишь взамен, кроме свободы, которую тебе некуда будет девать. Да, ты сможешь пить, сколько захочешь, хоть каждый день с утра до ночи. Но это и все. Это единственный плюс, остальное — сплошные минусы и неудобства. Пойми же, я тебе добра желаю.

— Ты? Мне? Добра? — Лариса громко расхохоталась. — Да ты никогда меня не любил! Ты вообще людей не любишь. Какого добра ты можешь мне желать?

— А вот теперь слушай внимательно, — сказал он совсем тихо и очень твердо. — Да, ты мне никогда не нравилась и я тебя не любил и не люблю, это правда. Но разве я обязан? У каждого человека внутри есть встроенный механизм, благодаря которому мы любим тех, кто одной крови с нами. Вся наша семья — одной крови, мы все кровные родственники. Кроме тебя. Мать, Коля, Нинка, Юра — мы все родня, и мы любим друг друга независимо от того, есть у нас недостатки или нет. Даже если кто-то совершает поступки, которые нас бесят, мы не перестаем его любить. Хотели бы перестать — да не можем, потому что механизм работает. Ты — совсем другое дело. В твою сторону наши механизмы не направлены, мы не умеем и не можем тебя любить, мы можем только терпеть тебя, мириться с твоим присутствием, но и то ровно до тех пор, пока ты не бесишь. А ты уже бесишь, моя дорогая. Если ты доведешь моего брата до развода, то Колька будет злиться, мать начнет переживать за него, Юрка тоже неизвестно как к этому отнесется. Вся семья будет на нервах и в страданиях. Мне это надо? А тебе? Напоминаю: ты ведь продолжаешь жить здесь на правах соседки, и вся эта нервотрепка с упреками и выяснением отношений окажется у тебя на голове. Так что имей в виду: я желаю добра в первую очередь своей семье и себе самому, но в данном конкретном случае это равно тому, что я желаю добра и тебе. В этой ситуации твое добро и наше — одно и то же. Усвоила?